научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования
https://stnb.petrsu.ru **http://petrsu.ru**

УДК 327

Балтийский регион в международной политике: к вопросу о моделировании процесса регионализации

ЛАНКО Дмитрий Александрович

кандидат политических наук,
доцент кафедры европейских исследований,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, dimppa@hotmail.com

Ключевые слова:
международные отношения
регионализм
глобализация
локализация
Балтийский регион

Аннотация:
В международной политике регионы, такие как Европа и Азия, Ближний Восток и Африка, Северная и Латинская Америка, не являются статичными, идет непрерывный процесс регионализации, т. е. воспроизведения регионов в представлениях политических лидеров и ученых-международников. В результате изменяются границы регионов, в некоторых случаях старые регионы исчезают, а на их месте формируются новые. Балтийский регион является примером нового региона, сформировавшегося после падения «железного занавеса». Исследование международных отношений в Балтийском регионе, проведенное автором, позволило предложить модель процесса регионализации, которая может использоваться и для описания процессов регионализации в других частях света. Описание этой модели представлено в данной статье. Модель основана на взаимном влиянии трех ключевых для современных международных отношений процессов: не только регионализации, но и глобализации и локализации. Глобализация способствует распространению информации о локальных примерах международного сотрудничества, благодаря чему у политических лидеров и ученых-международников формируются представления о регионе в целом.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

В начале XXI в. регионализация стала одной из доминирующих тенденций международной политики, что не могло не быть принято во внимание всеми ее субъектами, в том числе ведущими субъектами международной политики — государствами. Глобализация, другая важнейшая тенденция международной политики, не привела к появлению однородного мира, не уничтожила его регионального и локального многообразия. Несмотря на то что некоторые геополитические регионы мира утратили свое первостепенное значение с точки зрения тематики научных исследований в сфере международных отношений, стали меньше упоминаться в выступлениях лидеров ведущих мировых держав и в заголовках сообщений наиболее популярных средств массовой информации, их место заняли другие регионы. В некоторых случаях видоизменились линии разделяющих регионы границ по сравнению с теми границами между регионами, которые существовали в предшествующие периоды.

Благодаря регионализации мировой политики соотношение значимости приоритетов внешней

политики на глобальном и региональном уровнях меняется. И уже не приоритеты внешней политики конкретной державы на региональном уровне являются производными от ее приоритетов на глобальном уровне, но глобальные приоритеты становятся суммой региональных приоритетов. Более откровенно по этому поводу высказался американский политолог Ф. Закария: по его мнению, в настоящее время «выработка внешней политики выглядит более диверсифицированной и непоследовательной, поскольку разные регионы требуют подходов, которые не обязательно применимы за их пределами» [1]. Балтийский регион, или, как его еще называют в научной литературе, регион Балтийского моря, не играет первостепенной роли во внешней политике крупных мировых держав, упоминаний о нем мы не найдем ни в Концепциях внешней политики Российской Федерации, ни в Стратегиях национальной безопасности США.

Вместе с тем, как будет показано ниже, Балтийский регион имеет значение и для внешней политики России, и для внешней политики США. Играет Балтийский регион определенную роль и в политике Европейского союза. При этом Балтийский регион является «новичком» в международной политике. Тридцать лет назад, когда та территория, которая сегодня включается политиками и исследователями в Балтийский регион, была поделена почти пополам «железным занавесом», Балтийского региона в международной политике не существовало. Распад Советского Союза привел к появлению Балтийского региона сначала в представлениях политических лидеров стран, расположенных по берегам Балтийского моря, которые создали в 1992 г. Совет государств Балтийского моря [2]. Он и сегодня является важнейшей региональной международной организацией, под его эгидой действуют десятки региональных организаций различного уровня.

Практически одновременно Балтийский регион появился в представлениях интеллектуальных элит этих стран. Анализ числа научных публикаций, в заголовках которых встречается топоним «Балтийский», позволяет сделать вывод, что еще в начале 1990-х гг. в сфере гуманитарных и общественных наук таких публикаций не было [3]. Первая публикация появилась в 1993 г., ее автор П. Йоэнниеми [4]. За последующие двадцать лет число таких публикаций, включая монографии и научные статьи, составило несколько сотен. В результате можно сделать вывод, что Балтийский регион в международных отношениях состоялся. Данная статья представляет модель формирования регионов в международной политике, созданную автором в результате его исследования международных отношений вокруг Балтийского моря [5]. Практика международных отношений в Балтийском регионе в последнее десятилетие, а также выводы научных исследований, опубликованные после того, как эта модель была предложена впервые, показывают, что она и сегодня не утратила своей актуальности.

Регионализация: опыт моделирования международных процессов

После выхода в свет публикации О. Янга [6] в науке международных отношений возникла традиция представления системы международных отношений, включающей глобальный и региональный уровни. Принято считать, что система международных отношений включает в себя глобальные мегарегионы, например Запад и Восток. Внутри глобальных мегарегионов выделяются регионы, например: Европа и Америка внутри глобального Запада; Азия, Ближний Восток и Африка внутри глобального Востока. Процессы евразийской интеграции заставляют говорить о формировании Евразийского региона. Внутри регионов выделяются субрегионы, например: регион Карибского бассейна в Латинской Америке; регион Персидского залива на Ближнем Востоке; регион Дальнего Востока в Азии;регион Сахеля в Африке. Внутри Европы выделяют Западную и Восточную Европу, Северную и Южную Европу и т. д. На границе Европы и Ближнего Востока выделяются Средиземноморский и Черноморский регионы. В документах Европейского союза мы встречаем упоминание о Дунайском регионе. В данной статье рассматривается Балтийский регион.

Регионы не являются статичными. Напротив, представляется обоснованным говорить не о существовании регионов как элементов системы международных отношений, а о непрерывном процессе регионализации, благодаря которому факт существования того или иного региона постоянно получает подтверждение в политических документах, выступлениях политических лидеров, а также в научных работах. Иными словами, пока регион продолжает упоминаться в тех же границах в источниках и литературе, можно говорить о том, что регион продолжает существовать в тех же границах. Если же регион начинает упоминаться в источниках и литературе в новых границах, то можно говорить, что процесс регионализации привел к изменению границ региона. Так, например, Турция, которая и сегодня зачастую упоминается в источниках и литературе как часть региона Ближнего Востока, все чаще упоминается в качестве части другого региона — Европы [7].

Если регион перестает упоминаться в источниках и литературе, то можно говорить, что процесс

регионализации привел к исчезновению данного региона из системы международных отношений. Именно это произошло с регионом Срединной Европы, который в конце XIX — начале XX в. часто упоминался в источниках и литературе по внешней политике Германии, однако в настоящее время о нем помнят лишь специалисты по истории немецкой политической мысли [8]. Наконец, если в источниках и литературе начинает упоминаться новый регион мира, то можно говорить, что процесс регионализации привел к формированию нового региона в системе международных отношений, как это произошло с Балтийским регионом в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Модель процесса регионализации в таком его понимании и представлена в данной статье. В ее основу положено взаимное влияние трех процессов, играющих важнейшую роль в современных международных отношениях и мировой политике: глобализации, регионализации и локализации.

Модель эта выглядит следующим образом. В начале процесса формирования представлений о новом регионе (обозначим его буквой X) у данного политического лидера или ученого уже существуют представления о том, что мир состоит из нескольких регионов, однако региона X в этом списке нет; в его представлениях мир состоит из регионов Y, Z и т. д. В представлениях данного лидера или ученого каждый регион наделяется какими-то характерными чертами. Причем если внутри региона Y расположены топонимы A, B и C, о которых у данного лидера или ученого нет информации, то он автоматически наделяет их чертами, свойственными, в его представлениях, всему региону Y. Одним из последствий глобализации современных международных отношений является распространение информации о различных процессах вне зависимости от того, в какой именно точке земного шара эти процессы протекают.

Благодаря глобализации данный лидер или ученый получает информацию об особенностях того места, которое в его представлениях обозначается топонимом A, о котором он раньше не имел никакой информации, а потому приписывал этому месту характерные особенности, свойственные, в его представлениях, региону Y в целом. В теоретическом плане в основе анализа процесса «узнавания» других мест, предпринятого автором, была положена категория гетеротопии, введенная М. Фуко [9]. Таким образом, происходит локализация, т. е. идентификация того или иного топонима не только теми, кто непосредственно проживает в этом месте (у них соответствующая идентичность существовала и ранее), но и данным лидером или ученым, который ранее не имел никакой информации об этом месте. По сути, под локализацией понимается процесс превращения топонима в гетеротопию.

Результатом локализации становится осознание данным лидером или ученым, что особенности места A, которое является частью региона Y, и которому раньше в его представлениях автоматически приписывались особенности этого региона, отличаются от особенностей региона Y. Соответственно, у данного лидера или ученого возникают представления о том, что место A не относится к региону Y. В этих условиях у него могут сформироваться представления двух типов. Либо он сочтет, что особенности места A во многом совпадают с особенностями, в его представлениях, региона Z, тогда будет сделан вывод о том, что место A входит в регион Z. Таким образом, произойдет изменение границ регионов Y и Z. Либо он сделает вывод, что черты места A не позволяют включить его ни в один из регионов мира, существующих в его представлениях, однако они во многом схожи с чертами мест K, L и M, которые также нельзя отнести ни к одному из существующих регионов. В этом случае возможно появление нового региона X, в который войдут места A, K, L и M. Именно таким образом в представлениях политических лидеров сформировался Балтийский регион. Ниже процесс формирования Балтийского региона будет рассмотрен в практической плоскости.

Глобализация в процессе формирования Балтийского региона

Глобализация, один из важнейших процессов в современной международной политике, характеризуется двойственностью. Как представляется, причина этого лежит в двойственности процесса экономической глобализации, которая легла в основу более широкого международно-политического феномена. Под экономической глобализацией здесь понимается процесс последовательного уничтожения барьеров для обмена товарами, услугами, капиталами, технологией и рабочей силой между странами мира. Сторонники либеральной экономической теории оценивают глобализацию в целом как позитивный процесс с точки зрения и мировой экономики, и развития системы международных отношений [10]. Однако они сами признают, что, хотя свободный обмен товарами есть положительное явление, свободный обмен отдельными группами товаров можно оценить лишь отрицательно. Например, сторонники либеральной экономической теории либо замалчивают, либо выступают резко против свободной международной торговли вооружениями, включая оружие массового поражения.

Следствием двойственности процесса экономической глобализации является и двойственность его влияния на политические процессы, обуславливаемые глобализацией. В частности, двойственностью характеризуется взаимное влияние процессов глобализации и территориализации, под которой понимается процесс формирования бинарной оппозиции, в результате которого данный феномен мира политического противопоставляется другим его феноменам. Применительно к регионам мира территориализация является, например, процессом отделения Европы от не-Европы в представлениях политических лидеров и ученых. Территориализация является главным объектом критики приверженцев постмодернистского подхода к исследованию международных отношений, объектом критики которых становится так называемая суверенная машина, «в которой каждая часть, каждая функция отделена и определена, в которой ничто из того, что прежде не было определено по отношению к целому, не находит места» [11; 302].

На ранних стадиях процесса глобализации существовали ожидания (или опасения), что исчезновение экономических границ между государствами приведет к исчезновению и политических границ между ними, т. е. к детерриториализации — процессу уничтожения бинарных оппозиций, определявших международные отношения в предшествующие периоды. Однако, как показала практика международных отношений последних десятилетий, этого не произошло. Напротив, в ряде случаев глобализация способствовала не только детерриториализации, т. е. исчезновению старых границ, например «железного занавеса», но и ретерриториализации, т. е. возведению новой бинарной оппозиции на месте исчезнувшей. Именно таким образом после падения в Европе «железного занавеса» здесь появились новые регионы, в том числе Балтийский регион. По сути, Балтийский регион стал «сверстником» глобализации: ведь хотя история экономической глобализации уходит корнями как минимум в конец XIX в., в научную литературу понятие глобализации пришло лишь в конце XX в.

Формирование Балтийского региона в эпоху глобализации стало одним из факторов возникновения представлений о его привлекательности для бизнеса, в первую очередь у региональных экономических элит. Хотя объективно Балтийский регион и отстает по ряду критериев привлекательности для бизнеса от других регионов мира, прежде всего от Северо-Восточной Азии, полностью исключить из анализа субъективные представления региональных экономических элит не представляется возможным. Благодаря этим представлениям в регионе действуют несколько крупных компаний и множество малых предприятий, в названиях которых был использован топоним «Балтийский» [12], например пивоваренная компания «Балтика». Вместе с тем представления о Балтийском регионе как о «ровеснике» глобализации не являются единственным вариантом представления о данном регионе за его пределами.

До сих пор существуют представления о Балтийском регионе как о месте, где «энергия Востока встречается с опытом Запада». В данной метафоре слово «энергия» используется как в прямом, так и в переносном смысле. С одной стороны, речь идет об активной роли в международных отношениях новых независимых государств Балтийского региона, подчас не сопоставимой с их экономическим и политическим потенциалом, с другой — о той роли, которую региональные игроки придают сотрудничеству в энергетической сфере. Однако следует признать, что этот тип представлений в последнее время встречается все реже. Пик популярности этого типа представлений приходился на 1990-е гг., когда воспоминания о «железном занавесе» еще были сильны среди региональных политических и интеллектуальных элит. В те времена ключевым словом для характеристики международных процессов в Балтийском регионе было слово «транзит», под которым понимался как процесс демократического транзита, так и процесс формирования единой транзитно-транспортной системы в Балтийском регионе [13].

Наконец, существуют представления о Балтийском регионе как о «самом умном» регионе мира. Здесь речь идет о скорости широкого внедрения новейших информационно-коммуникационных технологий. Представители региональных элит, разделяющие такие представления, признают, что большая часть новейших информационно-коммуникационных технологий была создана за пределами Балтийского региона, в первую очередь в США. Они также признают, что по скорости внедрения передовых информационно-коммуникационных технологий Балтийский регион отстает от той же Северо-Восточной Азии, где активно внедряются и развиваются американские разработки. Однако Балтийский регион лидирует в мире по скорости широкого внедрения передовых информационно-коммуникационных технологий, благодаря чему те технологии, которые в Северо-Восточной Азии и даже в Северной Америке внедряются лишь среди элиты, в Балтийском регионе уже становятся неотъемлемой частью жизни всего общества. По мнению М. Кастельса, эта особенность Балтийского региона привела к формированию здесь особой модели информационного

общества [14].

Локализация в процессе формирования Балтийского региона

Внедрение новейших информационно-коммуникационных технологий, формирование привлекательного климата для бизнеса, а также значимость транзитно-транспортных потоков — все описанные тенденции, хотя они характерны для всего Балтийского региона, имеют первостепенное значение для региональных экономических и политических центров, таких как Стокгольм, Таллин или С.-Петербург. Однако в процессе формирования Балтийского региона периферийные территории сыграли не меньшую роль, чем столицы государств и крупные города, такие как С.-Петербург [15]. Ведь по мере того как периферийные территории вовлекались в процессы международного сотрудничества, происходило распространение информации об этих территориях далеко за пределами Балтийского региона, политические лидеры и ученые из стран, не относящихся напрямую к Балтийскому региону, узнали не только о существовании этих территорий, но и о схожести их характерных особенностей, благодаря чему возникло понимание, что все они относятся к одному региону мира — Балтийскому региону.

Среди всего многообразия форм участия периферийных территорий Балтийского региона в международных отношениях следует обратить внимание на два аспекта. Во-первых, это становление города Калининграда и Калининградской области в качестве информационного центра Балтийского региона. Во-вторых, это приграничное сотрудничество органов местного самоуправления, расположенных вблизи государственной границы, в первую очередь сотрудничество таких городов, как, например, Светогорск и Иматра на российско-финляндской границе. Говоря о Калининграде как об информационном центре, мы имеем в виду не то влияние, которое Калининград в лице городской или областной администрации оказывает на информационные потоки внутри Балтийского региона и за его пределами. Такое влияние можно оценить как несущественное. Едва ли можно предположить, что Калининград оказывал сколь-нибудь существенное влияние на информационную политику России, не говоря уже о всем Балтийском регионе.

Однако Калининград стал тем местом, о котором чаще всего говорится в контексте проблем Балтийского региона и сотрудничества в Балтийском регионе, как в самом Балтийском регионе, так и за его пределами [16]. Как представляется, тому способствовали три фактора. Во-первых, до падения «железного занавеса» Калининградская область была, пожалуй, самым закрытым регионом Советского Союза, въезд иностранцев на территорию региона был практически запрещен, а въезд советских граждан существенным образом ограничен. Соответственно, после распада Советского Союза за пределами Калининградской области практически не существовало представлений о современном состоянии региона; эти представления формировались «с чистого листа». Во-вторых, в исторической памяти разных народов Калининград играл принципиально разное значение. Для исторической памяти немцев Калининград играл одну роль, для поляков — вторую, для литовцев — третью, для русских — четвертую, в странах Северной Европы, а также в Эстонии и Латвии существовали свои представления о Калининградской области, отличные от представлений соседей.

В-третьих, Калининградская область в 1990-е гг. подверглась существенной секьюритизации [17]; иными словами, различные национальные и региональные игроки подчас намеренно преувеличивали проблемы Калининградской области с целью получения дополнительных средств на всевозможные программы, в том числе международные, проводимые под эгидой этих национальных и региональных игроков, которые были призваны, как утверждалось, способствовать решению как проблем Калининградской области, так и аналогичных проблем в Балтийском регионе в целом. Здесь мы не преследуем цели преуменьшить проблемы Калининградской области, существовавшие в 1990-е гг., начиная от проблем «жесткой безопасности», связанных с нахождением на территории области крупной военной группировки, и заканчивая проблемами «мягкой» безопасности, в том числе в сферах здравоохранения, социального обеспечения и охраны окружающей среды. Мы лишь пытаемся показать, что многие проблемы были преувеличены.

Что касается приграничного сотрудничества, то здесь следует оговориться, что как в российской, так и в зарубежной литературе по проблематике международных отношений нет единства в подходах к определению этого феномена. С одной стороны, существует тенденция к максимально широкому определению приграничного сотрудничества, согласно которому в него оказываются вовлечены крупные регионы, расположенные вблизи государственной границы. Например, по мнению Министерства иностранных дел РФ, большое значение для приграничного сотрудничества российских регионов на европейском направлении играет С.-Петербург [18], хотя последний, если не считать

пограничных пунктов пропуска в морском порту и в аэропорту, вообще не примыкает к государственной границе. Для С.-Петербурга сотрудничество с регионами Финляндии, государственная граница с которой пролегает вблизи С.-Петербурга, имеет такое же значение, как и сотрудничество, например, с регионами Италии, с которой у России вообще нет границы.

С другой стороны, существует тенденция к максимально узкому определению приграничного сотрудничества, например в трудах С. Б. Тарасова и Н. М. Межевича [19], согласно которому приграничным сотрудничеством является исключительно сотрудничество органов местного самоуправления, расположенных непосредственно в пограничной зоне, и развивающих совместные инфраструктурные проекты. По этому критерию к приграничному сотрудничеству относятся, в первую очередь, совместные инфраструктурные проекты, реализуемые малыми городами, расположенными вблизи государственной границы по разные стороны ее. Это не только Светогорск и Иматра на российско-финляндской границе, но и Ивангород и Нарва на российско-эстонской границе, Копенгаген и Мальмё на шведско-датской границе, Валга и Валка на эстонско-латвийской границе, Торнио и Хапаранда на финско-шведской границе и т. д. Благодаря сотрудничеству этих самоуправлений за пределы Балтийского региона распространилась информация не только об их сотрудничестве, но и о Балтийском регионе в целом, что, в конечном счете, привело к формированию представлений о Балтийском регионе за его пределами, а следовательно, и к появлению самого Балтийского региона.

Процесс регионализации вокруг Балтийского моря

Формирование Балтийского региона было бы невозможно без регионального сотрудничества. В первую очередь в данном контексте следует назвать сотрудничество в сфере охраны среды Балтийского моря, которое реализуется как в многостороннем формате под эгидой Хельсинкской комиссии по защите морской среды Балтийского моря, так и в двустороннем формате, например под эгидой Совместной российско-эстонской комиссии по охране и рациональному использованию трансграничных вод [20]. При создании Совета государств Балтийского моря — важнейшего формата многостороннего сотрудничества в Балтийском регионе — к участию в Совете страны приглашались исходя из принципа приоритетности охраны окружающей среды. Так, первоначально в состав Совета входили не только страны, имеющие непосредственный выход к побережью Балтийского моря, но и страны, по территории которых протекают реки бассейна Балтийского моря. Так, в составе Совета оказалась, например, Норвегия — страна, не имеющая выхода к побережью Балтийского моря.

Помимо Совета государств Балтийского моря, приоритетное значение для сотрудничества в Балтийском регионе имеет политика Северного измерения. Первоначально Северное измерение сформировалось по инициативе Финляндии, которая присоединилась к Европейскому союзу в 1995 г., в качестве одного из направлений политики ЕС. Однако в таком качестве Северное измерение не стало эффективной политикой. Явного интереса к Северному измерению в таком качестве не проявили даже скандинавские страны-участницы Евросоюза: Швеция и Дания. Польша, Литва, Латвия и Эстония, присоединившиеся к ЕС в 2004 г., также не были заинтересованы в развитии финляндской инициативы. Однако неожиданно интерес к Северному изменению проявили страны, не входящие в Евросоюз: Россия, Норвегия и Исландия. В результате, начиная с 2006 г., Северное измерение реализуется в качестве четырехсторонней политики ЕС, России, Норвегии и Исландии, и в данном формате Северное измерение добилось существенных результатов, в первую очередь в природоохранной деятельности [21].

Региональное сотрудничество является необходимым, но не достаточным условием формирования региона. Современные теории международных отношений предлагают не только концепции регионализации, в которых регионы формируются «изнутри», исключительно усилиями тех участников международных отношений, которые идентифицируют себя с этим регионом, но и концепции регионализации, в которых регионы формируются «извне», под влиянием внешних по отношению к данному региону факторов. Как правило, либеральные теории призывают рассматривать регионы как результат сотрудничества внутри региона, в то время как различные версии реализма призывают рассматривать регионы как группы стран, которые «сотрудничают против третьей стороны». Например, основоположник функционализма Д. Митрани полагал, что если одно государство не способно построить эффективную экономику на основе принципа автаркии, то регион, при соответствующем уровне экономического и политического сотрудничества между странами региона, — способен [22; 27].

Аналогично конструктивисты Б. Бузан и О. Вэвер, сформулировавшие теорию региональных комплексов безопасности, под которыми понимаются группы людей, имеющих схожие представления об основных вызовах собственной безопасности, исходили из того, что на формирование региона влияют представления о вызовах безопасности, существующие у людей, проживающих в данном регионе, но не

представления людей, проживающих за его пределами [23]. При этом они признавали, что иногда вызовы безопасности могут исходить и из-за пределов региона. Основоположник классического реализма Г. Моргентау определял регионы более категоричным образом, полагая, что в основе процесса формирования регионов лежат оборонные союзы, всегда направленные против государства, расположенного за пределами данного региона [24; 104]. Наконец, Р. Швеллер, один из основоположников неоклассического реализма, призывает рассматривать всю систему международных отношений в качестве элемента представлений политических и интеллектуальных элит, существующих в отдельных странах [25].

Таким образом, регион становится регионом только в том случае, если он начинает восприниматься в качестве региона политическими и интеллектуальными элитами государств, расположенных за пределами данного региона. Результатом появления такого восприятия становится формирование политики этих государств в отношении данного региона. В качестве примера здесь можно рассмотреть политику России в отношении Балтийского региона. С одной стороны, согласно представлениям, распространенным как в России, так и за ее пределами, значимая часть России — ее Северо-Западный федеральный округ — относится к Балтийскому региону. С другой стороны, ни в России, ни за ее пределами всю Россию не относят к Балтийскому региону. В результате политика в отношении Балтийского региона не является стратегически важным направлением внешней политики России. Так, в Концепциях внешней политики России Балтийский регион не упоминается.

В последней редакции Концепции внешней политики, утвержденной в 2013 г., упоминаются отдельные форматы регионального сотрудничества, например Совет государств Балтийского моря и политика Северного измерения, но не Балтийский регион в целом [26]. Во внешней политике США Балтийский регион также не играет значимой роли. В 1990-е гг. под эгидой Государственного департамента США была создана Североевропейская инициатива, призванная скоординировать усилия органов власти, частных компаний и неправительственных организаций в Балтийском регионе ради мира и стабильности в долгосрочном плане [27], впоследствии она была переименована в e-PINE (Enhanced Partnership in Northern Europe), а затем и вовсе упразднена. Важную роль в политике Европейского союза играет его стратегия для Балтийского региона, однако эта стратегия направлена на развитие только тех территорий Балтийского региона, которые принадлежат странам-участницам Евросоюза, она не предусматривает сотрудничества в Балтийском регионе в целом (включая Россию) [28].

Заключение

За двадцать пять лет, прошедших с момента падения «железного занавеса», произошло формирование Балтийского региона в международной политике. Государства, относящиеся к этому региону, сформировали многосторонние форматы регионального сотрудничества, например Совет государств Балтийского моря или политику Северного измерения. Государства, расположенные за пределами Балтийского региона, предприняли попытку координировать свою политику в отношении разных стран региона; примером такой попытки является Североевропейская инициатива США. Сформировались различные представления о роли Балтийского региона в глобализующемся мире, например представление о Балтийском регионе как о «ровеснике» глобализации. Формированию этих представлений способствовало распространение информации об отдельных примерах сотрудничества, например о взаимодействии при решении конкретных проблем Калининградской области, или об отдельных программах приграничного сотрудничества. Распространение информации о локальных примерах сотрудничества позволило политическим лидерам и ученым сформировать представление о сотрудничестве в Балтийском регионе в целом. В результате можно сделать вывод, что Балтийский регион состоялся.

Этот вывод имеет три следствия. Во-первых, как о регионе в целом судят по отдельным программам приграничного сотрудничества, так и об отдельных политических процессах судят исходя из того, в каком регионе мира они происходят. Оценка нынешних программ сотрудничества в Балтийском регионе в большой степени зависит от того, что эти программы, в представлениях тех, кто дает эту оценку, осуществляются именно в Балтийском регионе. Во-вторых, этот вывод позволяет сформировать модель процесса регионализации вокруг Балтийского моря, основывающуюся на взаимном влиянии трех процессов, характерных для современных международных отношений: не только регионализации, но и глобализации и локализации. Эта модель может использоваться для описания процессов регионализации и в других частях света, не только в Балтийском регионе. В-третьих, регионы не являются статичными, идет непрерывный процесс регионализации, т. е.

воспроизведения представлений о том или ином регионе у политических лидеров и ученых. И как Балтийский регион возник двадцать пять лет назад, так он может и исчезнуть, если региональное сотрудничество сойдет на нет.

Список литературы и источников

1. Zakaria F. Stop Searching for an Obama Doctrine // The Washington Times. 2011. July 6.
2. Ягья В. С. (ред.) Рассвет над Петербургом : Санкт-Петербург в мировом сообществе. Санкт-Петербург, 2005. 272 с.
3. Барыгин И. Н. Регион как инструмент мира : анализ Балтийского академического дискурса / И. Н. Барыгин, Д. А. Ланко, Е. А. Фофанова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2005. № 2. С. 100—111.
4. Joenniemi P. Cooperation in the Baltic Sea Region. London, 1993. 185 p.
5. Ланко Д. А. Процессы глобализации, регионализации и локализации вокруг Балтийского моря. Санкт-Петербург, 2008. 361 с.
6. Young O. R. Political Discontinuities in the International System // World Politics. 1968. Vol. 20. No. 3 (April). P. 369—392.
7. Hülsse R. Turkey’s Europeanness, Europe’s Identity and the EU: Exploration below the Surface of the Enlargement-Discourse // Borders, Identities and Nationalism: Understanding the Relationship / Ed. by K. Khudoley and D. Lanko. St. Petersburg, 2004. P. 82—98.
8. Brechtefeld J. Mitteleuropa and German Politics: 1948 to Present. London, 1996. 195 p.
9. Foucault M. Of Other Spaces // Diacritics. 1986. Vol. 16. No. 1. P. 22—27.
10. Bhagwati J. In Defense of Globalization. Oxford, 2004. 320 p.
11. Делез Ж. Анти-Эдип : Капитализм и Шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. Екатеринбург, 2008. 670 с.
12. Ланко Д. А. Роль малого бизнеса в конструировании региональной идентичности (на примере Балтийского региона) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. № 12. С. 141—147.
13. Ланко Д. А. Страны Балтии после распада СССР // СССР после распада / под. ред. О. Л. Маргания. Санкт-Петербург, 2007. С. 121—196.
14. Castells M. The Information Society and the Welfare State: The Finnish Model / M. Castells, T. Himanen. New York, 2002. 200 p.
15. Худолей К. К. Санкт-Петербург в Балтийском регионе / К. К. Худолей, Д. А. Ланко // Балтийский регион. 2009. № 1. С. 64—76.
16. Ланко Д. А. Калининград как «другое место» // Научные труды Северо-Западного института управления. 2010. Т. 1. № 1. С. 66—74.
17. Buzan B. Security: a New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Waever, J. Wilde, de. Boulder, London, 1998. 239 p.
18. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Приграничное сотрудничество и его роль в развитии приграничных регионов [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/bdomp/

sbor.nsf/fe3845c0f6d9b35443256c8a004e8835/af31185c931575ed43256c8b004a1d18!OpenDocument, свободный (дата обращения: 21.05.2014).

19. Тарасов С. Б. Приграничное сотрудничество как инновационная стратегия управления социально-экономическим развитием территории / С. Б. Тарасов, Н. М. Межевич // Экономика и управление. 2009. № 2 (5). С. 8—14.

20. Ланко Д. А. Управление трансграничными водными ресурсами : сравнительный анализ российского и американского опыта // Балтийский регион. 2013. № 1 (15). С. 27—37.

21. Межевич Н. М. Политика «Северного измерения»: современное состояние и перспективы развития / Н. М. Межевич, Е. Г. Болотникова // Балтийский регион. 2010. № 4. С. 37—47.

22. Mitrany D. A Working Peace System. Chicago, 1966. 221 p.

23. Buzan B. Regions and Powers: The Structure of International Security / B. Buzan, O. Waever. Cambridge, 2003. 564 p.

24. Morgenthau H. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York, 1993. 752 p.

25. Schweller R. L. Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power. Princeton, 2006. 182 p.

26. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 г.

27. Гфоэллер Т. Североевропейская инициатива / пер. с англ. В. Захаровой. Санкт-Петербург, 1999. 32 с.

28. Council of the European Union. Presidency Conclusions: Brussels European Council. 29/30 October 2009. 15265/1/09. REV 1. CONCL 3.

References

1. Zakaria F. Stop Searching for an Obama Doctrine // The Washington Times. 2011. July 6.

2. Yagya V. S. (ed.) St. Petersburg Dawn: St. Petersburg in International Community. [Rassvet nad Peterburgom: Sankt-Peterburg v mirovom soobshchestve]. St. Petersburg, 2005. 272 c.

3. Barygin I. N., Lanko D. A., Fofanova E. A. Region as a Tool of Peace: Analysis of the Baltic Academic Discourse. [Region kak instrument mira: analiz Baltiyskogo akademicheskogo diskursa] // Vestnik of the St. Petersburg State University, series 6 (Philosophy, Political Science, Sociology, Psychology, Law, International Relations). 2005. № 2. С. 100—111.

4. Joenniemi P. Cooperation in the Baltic Sea Region. London, 1993. 185 p.

5. Lanko D. A. Globalization, Regionalization and Localization around the Baltic Sea. [Protsessy globalizatsii, regionalizatsii i lokalizatsii vokrug Baltiyskogo morya]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2008. 361 c.

6. Young O. R. Political Discontinuities in the International System // World Politics. 1968. Vol. 20. No. 3 (April). P. 369—392.

7. Hülsse R. Turkey’s Europeanness, Europe’s Identity and the EU: Exploration below the Surface of the Enlargement-Discourse // Borders, Identities and Nationalism: Understanding the Relationship / Ed. by K. Khudoley and D. Lanko. St. Petersburg, 2004. P. 82—98.

8. Brechtefeld J. Mitteleuropa and German Politics: 1948 to Present. London, 1996. 195 p.

9. Foucault M. Of Other Spaces // Diacritics. 1986. Vol. 16. No. 1. P. 22—27.

10. Bhagwati J. In Defense of Globalization. Oxford, 2004. 320 p.

11. Deleuze G., Guattari F. Anti-Oedupus: Capitalism and Schizophrenia. New York, 2004. 712 p.

12. Lanko D. A. Role of Small Businesses in Regional Identity Construction: Case Study of the Baltic Region. [Rol' malogo biznesa v konstruirovanii regional'noy identichnosti (na primere Baltiyskogo regiona)] // Vestnik of the Baltic federal University named after I. Kant. 2010. № 12. С. 141—147.

13. Lanko D. A. Baltic States after Collapse of the Soviet Union. [Strany Baltii posle raspada SSSR] // Soviet Union after Collapse. [SSSR posle raspada] / Ed. by O. L. Marganiya. St. Petersburg, 2007. С. 121—196.

14. Castells M., Himanen T. The Information Society and the Welfare State: The Finnish Model. New York, 2002. 200 p.

15. Khudoley K. K., Lanko D. A. St. Petersburg in the Baltic Region. [Sankt-Petersbug v Baltiyskom regione] // Baltic Region. 2009. № 1. С. 64—76.

16. Lanko D. A. Kaliningrad as an «Other Place». [Kaliningrad kak «drugoe mesto»] // Academic Papers of the Northwestern Institute of Management. 2010. Т. 1. № 1. С. 66—74.

17. Buzan B., Waever O., Wilde J. de. Security: a New Framework for Analysis. Boulder, London, 1998. 239 p.

18. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Cross-Border Cooperation and Its Role in the Development of Border Regions. [Prigranichnoe sotrudnichestvo i ego rol' v razvitii prigranichnyh regionov][Electronic resource]. URL: http://www.mid.ru/bdomp/sbor.nsf/fe3845c0f6d9b35443256c8a004e8835/af31185c931575ed43256c8b004a1d18!OpenDocument (accessed 21.05.2014).

19. Tarsov S. B., Mezhevich N. M. Cross-Border Cooperation as an Innovative Strategy of Territorial Socio-Economic Management. [Prigranichnoe sotrudnichestvo kak innovatsionnaya strategiya upravleniya sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem territorii] // Economics and Management. 2009. № 2 (5). С. 8—14.

20. Lanko D. A. Trans-Boundary Water Management: Comparison of Russian and U.S. Experience. [Upravlenie transgranichnymi vodnymi resursami: sravnitel'nyy analiz rossiyskogo i amerikanskogo opyta] // Baltic Region. 2013. № 1 (15). С. 27—37.

21. Mezhevich N. M., Bolotnikova E. G. «Northern Dimension» Policy: State-of-the-Art and Prospects of Growth. [Politika «severnogo izmereniya»: sovermennoe sostoyanie i perspektivy rosta] // Baltic Region. 2010. № 4. С. 37—47.

22. Mitrany D. A Working Peace System. Chicago, 1966. 221 p.

23. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge, 2003. 564 p.

24. Morgenthau H. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York, 1993. 752 p.

25. Schweller R. L. Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power. Princeton, 2006. 182 p.

26. Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. Approved by the President of the Russian federation on February 12, 2013. English version can be found at: http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/0f474e63a426b7c344257b2e003c945f!OpenDocument

(accessed 23.06.2012).

27. Gfoeller T. Northern European Initiative. [Severoevropeyskaya initsiativa] / Translated into Russian by V. Zakharova. St. Petersburg, 1999. 32 c.

28. Council of the European Union. Presidency Conclusions: Brussels European Council. 29/30 October 2009. 15265/1/09. REV 1. CONCL 3.